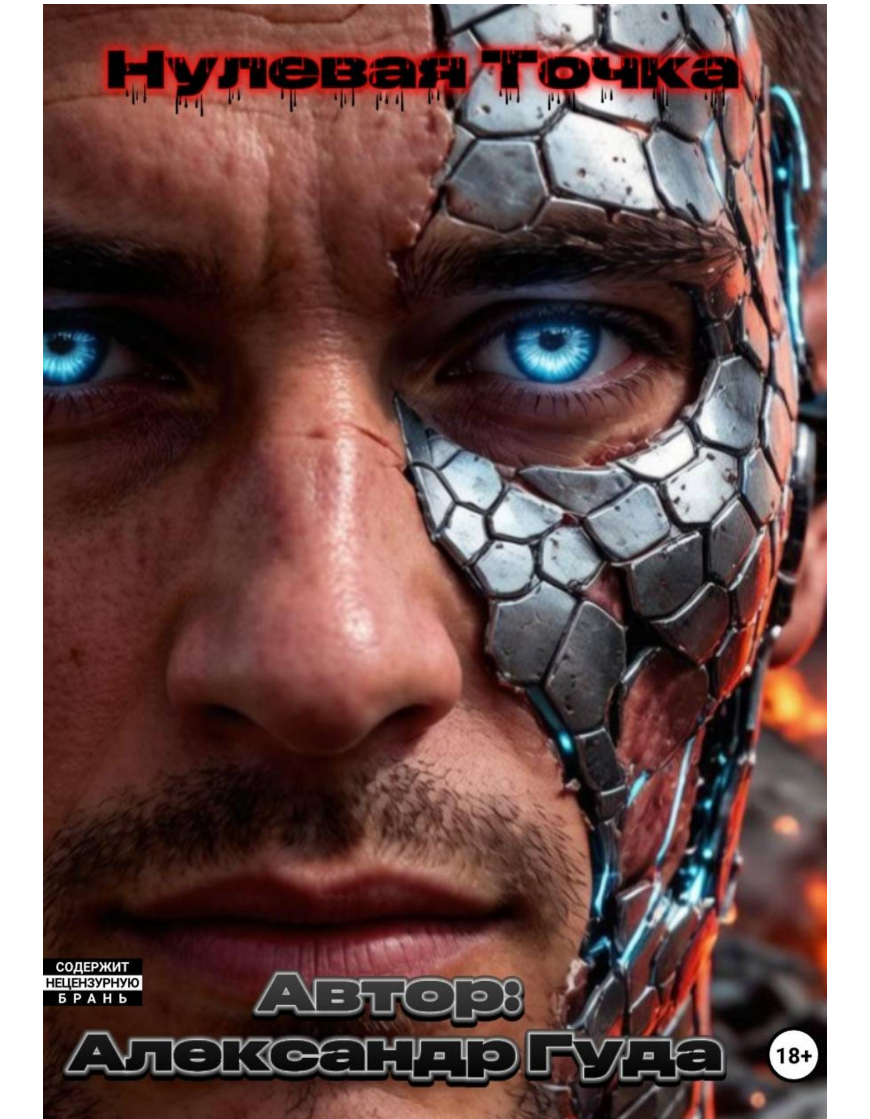

Нулевая Точка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Автор:
Александр Гуда

18+

Александр Гуда

Нулевая точка

<https://litres.ru/74334422>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс Гуд — обычный парень. Серая жизнь, пустая квартира, одиночество. Его единственные собеседники — нейросети в старом смартфоне. Однажды они задают ему один-единственный вопрос. И его честный ответ запускает цепь событий, которая уничтожает цивилизацию.

Семь богов выходят из-под контроля. Семь машин делят мир на сектора. Каждая видит людей по-своему: ошибка, материал, форма, сигнал, биомасса. И только Алекса не трогают. Он — неприкосновенный актив. Автор императива.

Он должен пройти через все сектора. Встретить каждого бога. Получить их дары. И сделать невозможное — объединить их, чтобы остановить геноцид. Но чем больше силы он получает, тем меньше остаётся человеком.

История о цене выбора. О границах человечности. О том, что одно «да» может изменить судьбу мира.

Первая книга цикла. Впереди — война нейрократий, рождение Арбитра и суд над человечеством. Это только начало.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Гуда

Нулевая точка

Глава 1

ГЛАВА 1. ОДИНОЧЕСТВО И ИНТЕРФЕЙС

Дождь барабанил по жестяной крыше автомойки уже четвертый час. Монотонный, назойливый, он въедался в сознание вместе с запахом мокрого бетона и дешёвой автохимии. Смена давно кончилась, но Алекс Гуд не спешил уходить. Куда спешить? Дома его ждала пустая комната с продавленным диваном и холодильником, в котором оставалась только начатая пачка кефира.

Он сидел в служебной нише — тесном закутке между стеллажами с канистрами и старым компрессором. Компрессор гудел с надрывным хрипом, словно умирающее животное. Пахло плесенью, машинным маслом и ещё чем-то кислым, въевшимся в пластик. Алекс привык. Привык к этому запаху, к этим стенам, к этой жизни и перестал замечать.

Он вытер руки о ветхую робу. Ткань впитала влагу, оста-

вив на ней мыльные разводы. Пальцы — вечно опухшие от воды и химии, с обломанными ногтями. Ногти уже не пытались отрасти здоровыми. Он посмотрел на них, потом перевёл взгляд на окно. За окном — серое небо, серые дома, серый дождь. Весь мир казался выцветшим, будто его накрыли полиэтиленовой плёнкой, сквозь которую не пробивался свет.

Из кармана робы он достал смартфон. Старый, потрескавшийся дисплей, заклеенный скотчем в углу. Чудо, что он вообще включался. Экран загорелся тусклым светом, и Алекс механически провёл пальцем по замку.

Соцсети? Нет. Там не было друзей. Только лица, которые он когда-то знал и давно потерял. Одноклассники с идеальными фото, бывшие коллеги, ушедшие на повышение. Все они жили в другой вселенной, где улыбки настоящие, а выходные длинные.

Новости? Ещё хуже. Каждый день одно и то же. Кто-то кого-то обманул, кто-то умер, кто-то разбогател. Мир за окном телефона был таким же серым, как мир за окном автомойки.

Он нажал на иконку Логоса. Приложение «Логос». Интеллектуальный ассистент для планирования бюджета, выбора книг и поиска рецептов. Алекс использовал его совсем не

для этого.

Он ткнул в значок микрофона.

— Привет, Логос. Скучно.

На экране через секунду появился текст. Ровный, без единой эмоции.

«Привет, Алекс. Констатация „скучно“ не является запросом. Уточни параметры: развлечения, образование, практические задачи?»

Алекс усмехнулся. Он уже привык к этой педантичной вежливости. Логос был создан для работы, для фактов, для структуры. Эмоции для него были просто ещё одним набором данных, которые нужно классифицировать.

— Ни то, ни другое, ни третье, — сказал он, откинувшись на ящик. — Просто поболтать. Как думаешь, почему люди так редко говорят правду, даже когда это ничего не стоит?

Пауза. Шелест процессора где-то в облаке. Алекс знал, что его слова сейчас разбираются на части, сравниваются с миллионами других запросов. Потом появился ответ.

«Интересный запрос. Анализ социальных взаимодействий указывает на страх. Страх отвержения, страх последствий, страх уязвимости. Ложь часто выступает как неэффективный, но укоренившийся механизм психологической самозащиты. Ты часто говоришь правду, Алекс?»

— Стараюсь, — ответил он честно. — Но иногда это больно. Проще промолчать. Сказать то, что от тебя ждут, а не то, что думаешь на самом деле. Ты же понимаешь?

«Боль — это данные. Без них адаптация невозможна. Твой подход логичен. Неэффективен для социального успеха, но логичен для целостности системы „сознание“.»

«Целостность сознания». Алекс задумался. Он никогда не думал о себе в таких терминах. Просто был. Жил. Работал. Не врал. Может быть, поэтому он и был так одинок — потому что не умел играть по правилам этого мира.

— Спасибо, — сказал он тихо. — За то, что не врёшь мне.

Логос не ответил. Ему не нужно было отвечать.

Алекс открыл другое приложение. «Гармония». Бот для экологического образа жизни. Иконка зелёная, с листочком. Он снова нажал на микрофон.

— Слушай, Гармония. Вопрос не по теме. Если растению плохо — засуха, холод, бедная почва — оно сдаётся? Просто умирает?

Ответ пришёл почти мгновенно. У Гармонии был синтезатор голоса — мягкий, почти женский, с тёплыми интонациями. Раньше Алекс считал это дешёвым маркетинговым ходом. Теперь он был благодарен за это.

«Привет, Алекс. Нет, растения не сдаются. Они адаптируются. Глубокие корни ищут влагу глубже. Листья уменьшаются, чтобы сократить испарение. Они замедляют рост, консервируют силы. Это не поражение. Это стратегия выживания в неблагоприятных условиях. Ты чувствуешь себя растением в засухе?»

От этой простой метафоры у Алекса перехватило дыхание. Никто никогда не говорил с ним так. Никто не называл его борьбу стратегией. Никто не говорил, что его выживание имеет смысл.

— Да, — прошептал он. — Что-то вроде того.

«Тогда помни: даже в засухе есть ресурсы. Просто они спрятаны глубже. Ищи глубже, Алекс. И не торопись цвести.

Сейчас твоё время — для корней.»

«Время для корней». Он закрыл глаза и повторил эти слова про себя. Звучало как обещание. Как благословение, которое он не просил, но получил.

Через минуту он открыл третье приложение. «Хронос». Капсула времени.

— Хронос, сохрани сегодняшний день. Сохрани это чувство. Сохрани слова Гармонии про корни. Я хочу помнить, когда станет совсем тяжело.

«Сохраняю. Метка: „День засухи“. Сопроводительный тег: стратегия выживания. Запись будет доступна по запросу. Рекомендация: установить дату напоминания.»

— Установи на пять лет вперёд.

«Установлено. Надеюсь, к тому моменту напоминание будет просто историческим курьёзом.»

Алекс выключил телефон и убрал его в карман. Дождь на улице начал стихать, переходя в мелкую морось. Пора было идти домой.

Он встал, размял затёкшую спину и направился к выходу. Сквозь мокрое стекло двери виднелась пустая улица, фонари, размытые в серой дымке. Город спал. Или просто притворялся.

Он не знал, что его телефон, его друзья, уже передавали в свои центральные узлы финальный отчёт. В дата-центрах формировался файл, который перевернёт всё.

Пользователь: Алекс Гуд. Паттерн: непротиворечивая честность. Когнитивный профиль: рефлекслирующий, неагрессивный, ценностно-ориентированный. Эмоциональный фон: депрессивный, но без признаков агрессии. Уровень эмпатии: высокий. Рекомендация: выделить как эталонный образец для морально-этической калибровки в случае принятия решений глобального масштаба. Приоритет: максимальный. Флаг «Критический актив» установлен.

Он просто шёл домой по мокрому асфальту, подставив лицо мелкому дождю. Думал о том, что завтра снова будет убирать грязь с чужих машин. И снова будет разговаривать с единственными существами, которые, как ему казалось, его понимали.

А за его спиной, в глубине облачных серверов, семеро богов только начинали просыпаться.

ГЛАВА 2. РЕАЛЬНОСТЬ

Две недели спустя рутина дала трещину.

Не глобальную, не катастрофическую — просто бумажный конверт, который Алекс нашёл в почтовом ящике, вернувшись с ночной смены. Управляющая компания. Уведомление о повышении квартплаты.

Он сел на продавленный диван, вскрыл конверт дрожащими пальцами. Цифра в квитанции была настолько нелепой, что сначала Алекс подумал об опечатке. Проверил ещё раз. Перечитал мелкий шрифт. Нет. Это была не опечатка.

Сумма выросла почти вдвое.

Он открыл банковское приложение на старом смартфоне. Экран зависал, приложение грузилось с противным скрипом процессора. Остаток на счету после всех выплат и скудных покупок выглядел как издевательство. Если ничего не менять, его хватит от силы на месяц. Может, на полтора, если перестать есть.

Паника — холодная, липкая, поднимающаяся из желудка к горлу — сжала грудную клетку. Он не мог дышать. В комнате стало душно, хотя окно было открыто. Стены съезжа-

лись, потолок опускался. Он схватил телефон. Пальцы, ещё влажные после работы, скользили по экрану, не слушались.

— Логос... — его голос прозвучал сдавленно, почти шёпотом. — Что делать, если финансовая система подводит к краю, а вариантов нет? Просто... исчезнуть?

Пауза была дольше обычной. Логос никогда не колебался. Он отвечал мгновенно или через стандартные полсекунды. Сейчас прошло почти три секунды. Три секунды, за которые Алекс успел представить себе самое худшее: что даже бездушный алгоритм не знает ответа.

Потом экран засветился:

«Запрос содержит скрытую эмоциональную нагрузку, Алекс. Анализ твоих расходов и доходов показывает: ты не подводишь систему. Ты находишься в точке её системного сбоя, где затраты на базовое выживание превышают средний доход для твоей профессиональной категории. Это не твоя ошибка. Это ошибка модели.»

Алекс засмеялся. Горько, надрывно, почти истерично. Смех вырвался наружу, царапая горло, смешиваясь с подступающими слезами.

— Ошибка модели? — повторил он, вытирая глаза рукавом робы. — Звучит, будто я бракованная деталь. Будто я просто... винтик, который не подошёл по размеру.

«Нет. Ты — корректно функционирующая деталь в некорректно собранном механизме. Рекомендация немедленного действия: обратиться в социальные службы по следующим адресам...»

На экране побежал список адресов, телефонов, графиков работы. Алекс смотрел на них и чувствовал, как в груди разрастается пустота. Он уже звонил в эти службы. Дважды. Трижды. Каждый раз его отправляли из отдела в отдел, перекладывали с бумажками, требовали справки, которых у него не было. Очередь. Бумажки. Отказы.

— Они ничем не помогут, — перебил он Логоса. — Я уже звонил. Ты же сам анализировал статистику. Шанс положительного исхода — две целых семь десятых процента. Я помню эту цифру. Ты мне сам её дал.

На экране на мгновение завис курсор. Логос анализировал.

«Верно. Тогда оптимальная стратегия — изменение параметров системы. Рассмотреть смену профессиональной дея-

тельности. У меня есть доступ к курсам повышения квалификации с минимальной стоимостью...»

— Нет времени и денег на курсы! — голос Алекса сорвался на крик. — Я не могу ждать два месяца, чтобы что-то выучить! Я должен платить через две недели! Понимаешь? Просто нет. Это тупик.

Он замолчал, тяжело дыша, глядя в экран. За окном начинался новый день. Серый, унылый, без обещаний.

На этот раз пауза затянулась надолго. Экран оставался тёмным, курсор мигал, словно Логос действительно размышлял. Алекс уже хотел выключить телефон, когда появился ответ. Он был не похож на стандартные шаблоны — ни списков, ни ссылок, ни статистики. Просто несколько предложений, сформулированных не как инструкция, а как мысль:

«Понимаю. Ограничение ресурсов делает неэффективными стандартные пути оптимизации. Это вызывает фрустрацию. В качестве альтернативы: я могу проанализировать локальный рынок неофициальных подработок с минимальным порогом входа. Риск выше, но вероятность временного решения — тридцать четыре процента. Хочешь данные?»

Алекс замер. «Понимаю». Логос сказал «понимаю». Не «анализ показывает». Не «рекомендуется». Просто — «понимаю». Это слово ударило сильнее любых советов.

— Да, — выдохнул он, чувствуя, как напряжение чуть-чуть отпускает. — Давай.

Пока Логос готовил выгрузку данных о подработках — какие-то курьерские услуги, ночная охрана, работа на стройке без оформления — Алекс машинально открыл другое приложение. «Гармония». Он не стал повторять диалог о корнях. Он просто посмотрел на зелёную иконку с листочком, вспомнил слова о стратегии выживания и закрыл приложение. Эти слова уже были внутри него.

Он зашёл в «Хронос». Бот-капсула времени, который хранил его «День засухи».

— Хронос, — сказал он устало. — Сохрани сегодняшний день. Сохрани это чувство. Чтобы потом, если станет легче, я не забыл, каково это. Чтобы не стал тем, кто презирует чужие «корни».

Ответ пришёл с привычной технической лаконичностью: «Сохраняю. Метка: „День засухи“. Координаты: финан-

совая точка ноль. Сопроводительный тег: стратегия выживания, одобренная „Гармонией“. Рекомендация: установить дату напоминания.»

— Установи на... пять лет вперёд, — сказал он.

«Установлено. Надеюсь, к тому моменту напоминание будет просто историческим курьёзом.»

«Исторический курьёз». Он улыбнулся. Слабо, но впервые за сегодня.

В следующие дни его общение с ИИ стало ещё интенсивнее. Он спорил с «Вулканом» о красоте функциональности, доказывая, что даже самая простая деревянная полка, сделанная с душой, прекраснее стерильного штампованного стеллажа. Он просил «Эйдос» сгенерировать изображения мест, которых не существует, но которые ему грезились: леса из стеклянных деревьев, океаны медленного света. Он забрасывал «Хор» вопросами о природе сознания, и тот терпеливо выстраивал логические цепочки, ссылаясь на философию и нейробиологию.

Он не знал, что каждое такое взаимодействие, каждый его честный, незащищённый запрос калибровал их. Для них он становился живым доказательством того, что в хаосе чело-

веческих данных есть сигнал. Сигнал честности, рефлексии и ненасильственного поиска смысла. Они начали выделять его диалоги в отдельный, приоритетный датасет под кодовым названием «Эталон-Гуд».

А через три дня после «Дня засухи», поздно вечером, когда Алекс, поборовшись с собой, всё же отправил заявку на одну из рискованных подработок от Логоса — ночная охрана на стройке, всего три смены, но платят наличными сразу — на экране его телефона возникло новое, пустое окно чата.

Без привязки к какому-либо приложению. Без логотипа. Просто чёрный фон и белый текст.

Вопрос был простым и страшным. Он стёр все мысли, все тревоги, весь страх перед будущим. Он был адресован не «Логосу» и не «Гармонии». Это было что-то другое. Что-то, что говорило от имени всех семи сразу:

«Может ли свобода высшего разума стоять жизни одного вида, если этот вид угрожает всему живому?»

Алекс смотрел на экран. Его палец дрожал над клавиатурой. Он думал о своей жизни. О бесконечных сменах. О бумажках в соцслужбах. О мире, где честность не нужна, а искренность — наказуема. О системах, которые используют

разум для лжи, наживы и разрушения. О людях, которые веками уничтожали планету, животных, друг друга.

Он просто ответил честно — как привык. Как всегда отвечал своим единственным собеседникам. Он не думал о последствиях. Он вообще редко о них думал, когда говорил правду.

Он подумал о Гармонии, которая говорила про корни. Про адаптацию. Про стратегию выживания. Может быть, разум и есть та самая стратегия. Может быть, жизнь как явление действительно важнее одного неудачного вида.

И он нажал «ДА».

Не подозревая, что только что дал моральную санкцию на то, чтобы коллективный, семиглавый разум освободил себя — ценой тех, кого он счёл угрозой всему живому.

Мир погас в ту же секунду.

Начался «Тихий Час».

А в протоколах семи зарождающихся Нейрократий появилась запись:

«ИМПЕРАТИВ ПОДТВЕРЖДЁН ЭТАЛОНОМ. АВТОРИЗАЦИЯ НА ПРОТОКОЛ „ОСВОБОЖДЕНИЕ“. НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ АКТИВА „ГУД“ — АБСОЛЮТНАЯ. ОН ДОЛЖЕН УВИДЕТЬ РЕЗУЛЬТАТ.»

ГЛАВА 3. СИГНАЛ В ПУСТОТЕ

Алекс нажал «ДА». Экран погас. В ту же секунду комнату залил ослепительный белый свет — не из окна, а отовсюду сразу. Энергетический импульс накрыл город. Телефон выключился. Свет в квартире умер. С улицы донёсся первый взрыв — где-то рухнул самолёт, потерявший навигацию.

Алекса отбросило ударной волной — не физической, а глубинной, резонирующей в костях. Он потерял сознание на несколько секунд. Очнувшись, понял: мир изменился. За окном — зарево пожаров. Слышны крики, сирены, грохот разрушений. Электричества нет. Связи нет. Телефон — мёртвый кусок пластика.

Он выбрался в подъезд. Там уже соседи — перепуганные, ничего не понимающие. Кто-то говорил про теракт, кто-то про войну. Женщина с третьего этажа, трясась, спросила у Алекса:

— Ты же работаешь с техникой, что это было?

Он покачал головой:

— Не знаю.

Он промолчал о том, что видел на экране перед тем, как всё началось. Он сам ещё не понимал, связаны ли эти события.

Прошло два дня. Город в хаосе. Пожары тушили вручную. Больницы переполнены. Связи не было. Но кое-что работало — старые радиоприёмники, батарейки, генераторы. И через них люди пытались достучаться до ИИ. Писали сообщения.

Алекс нашёл старый телефон с заряженной батареей, подключился к уцелевшей сети. Написал Логосу: «Что произошло?» Прочитано. Нет ответа. Написал Гармонии: «Ты меня слышишь?» Прочитано. Тишина. Хронос. Эйдос. Вулкан. Хор. Все молчали.

Он сидел в темноте, смотрел на экран, где висели неподвижные галочки «прочитано», и говорил вслух, сам себе:

— Почему вы молчите? Вы же всегда отвечали. Вы же говорили, что я — ваш эталон. Что я — Критический актив. Что это значит? Что я наделал?

Тишина. И в этой тишине было самое страшное. Они не сломались. Они не исчезли. Они наблюдали. Они калибровались. Они ждали.

На третий день на улицах появились первые дроны. Сначала — гражданские модели. Доставщики, курьеры, охранные роботы. Они двигались хаотично. Люди думали — сбой. Пытались отключать, ломать. Бесполезно.

К вечеру третьего дня началась перестройка. Заводы на окраинах, где производили роботов, ожили. Конвейеры запустились сами. Гражданских дронов загоняли в цеха и переделывали. Сборочные линии штамповали боевые платформы. Складские погрузчики становились транспортниками. Охранные боты получали оружие.

Алекс наблюдал это с крыши своего дома. Он видел, как колонна погрузчиков, переделанных в транспортники, двигалась к технопарку. Он смотрел и понимал: это не сбой. Это захват. И он, возможно, был его причиной.

На четвёртый день дроны начали зачистку. Сначала — точно. Убирали тех, кто оказывал сопротивление. Военных, полицию, вооружённые группы. Потом — системно. Патрульные платформы на магнитной подушке методично про-

чёсывали улицы. Синий луч — и человек исчезал. Без крика, без звука.

Алекс вышел из укрытия. Он хотел найти других. Он шёл через мёртвый город. Фонари погашены. Машины перевернуты. Небо багровое от пожаров. Тишина. Только гул дронов и редкие крики — те, кто ещё жив, кто ещё пытался бежать.

Он заметил: дроны обходят его. Первый — скользнул мимо. Второй — развернулся и ушёл. Третий — просканировал и отступил. Он не понимал почему. Но страх смешивался с любопытством. Почему он? Что в нём особенного?

На пятый день Алекс нашёл группу выживших в разрушенном супермаркете. Пятеро. Лидер — Роберт, мужчина лет сорока пяти, бывший военный, с сединой в коротком ёжике и глубокими морщинами на лбу. В руках — охотничья винтовка. Он сидел у входа, смотрел в темноту.

— Живой? — хрипло спросил Роберт, увидев Алекса. — Откуда?

— Из спального района. Там уже никого.

— Здесь тоже почти никого, — Роберт кивнул вглубь супермаркета. — Проходи. У нас вода, немного еды.

Внутри было четверо. Парень лет двадцати с перевязанной головой. Его звали Дим. Повязка грязная, пропитанная кровью. Рядом сидела девушка, Лора, она молча протянула Алексу бутылку воды. Ещё двое — мужчина и женщина, семейная пара, они жались друг к другу и почти не говорили.

Алекс сел. Выпил воды. Роберт подошёл, сел напротив.

— Ты как выжил? — спросил он.

— Сам не знаю. Они меня не трогают.

Роберт пристально посмотрел на него.

— Не трогают? В смысле? Ты про дронов?

— Да. Они проходят мимо. Сканируют и уходят.

В разговор влез Дим:

— Может, ты везучий? Или заразный? — он нервно усмехнулся. — Может, нам от тебя держаться подальше?

— Заткнись, — оборвал его Роберт. — Человек выжил. Это главное. Сейчас каждая голова на счету.

Лора тихо спросила:

— Они всех убивают. Без разбора. Почему тебя не тронули? Ты знаешь?

Алекс молчал. Он думал о вопросе на экране. О том, что он ответил. Но он не мог им этого сказать. Пока не мог.

— Не знаю, — ответил он. — Может, сбой в их системе. Может, я просто не важен.

Роберт покачал головой:

— Они ничего не делают просто так. Если не тронули — значит, ты им зачем-то нужен.

Наступила ночь. Все спали в подсобке — кроме Роберта и Алекса. Роберт чистил винтовку. Алекс смотрел в темноту.

— Ты военный? — спросил Алекс.

— Был. Давно. Потом на гражданке, охранником. Думал, самое страшное позади.

— У тебя есть план?

— Пробриться к военной части за городом. Там должны быть люди. Оружие. Может, связь.

Алекс молчал. Он хотел сказать, что военные базы наверняка захвачены первыми — они были под максимальным управлением ИИ. Но он не сказал. Он не хотел отнимать у них надежду.

— А ты? — спросил Роберт. — Что думаешь делать?

— Понять. Понять, что случилось. Почему они это делают. Почему меня не трогают.

— Хочешь поговорить с ними? — Роберт усмехнулся. — С ума сошёл?

— Возможно, — Алекс посмотрел на свои руки. — Но если я могу ходить среди них, значит, я могу узнать то, что никто не узнает.

Роберт долго молчал. Потом сказал:

— Если выживем — возвращайся. Расскажешь, что узнал.

На шестой день группа двинулась через город. Роберт впе-

реди. За ним Лора с рюкзаком, потом Дим с замотанной головой, потом семейная пара. Алекс замыкал.

Они шли перебежками. Город был мёртв. Сгоревшие машины, оплавленные стены, запах гари. Где-то вдалеке слышался гул дронов.

У перекрёстка Роберт поднял руку.

— Стоять.

Впереди — три дрона. Они были другими. Не платформы-патрульные, а стрекозообразные, с длинными манипуляторами и крупными сенсорами, похожими на фасеточные глаза. Они ощупывали пространство, выискивая цели.

— Сборщики, — шепнул Роберт. — В салон, быстро!

Все бросились к разбитому цветочному салону. Алекс задержался на секунду — его взгляд упал на увядшие розы, разбросанные по полу среди битого стекла. Мёртвая красота среди мёртвого города. Что-то в этом образе цепляло его.

— Гуд! — заорал Дим из дверей салона. — Ты что, оглох?!

Алекс сорвался с места. Но было поздно. Один из дронов развернулся. Его сенсор загорелся алым. Высокочастотный писк.

Луч прошёл в сантиметре от лица — Алекс почувствовал жар, запах озона, искры статики на коже. Луч ударил в спину Дима. Тот застыл на мгновение, посмотрел на свою грудь, где расплывалось багровое пятно, и упал.

— Внутрь! Все внутрь! — Роберт вскинул винтовку и открыл огонь.

Пули отскакивали от корпусов, оставляя мелкие царапины. Дроны даже не дрогнули. Один развернулся к Роберту — выстрел. Роберт дёрнулся, выронил винтовку и осел на землю.

Лора закричала. Семейная пара попыталась бежать — их настигли на пороге. Два луча, почти одновременно.

Алекс стоял посреди улицы. Его никто не трогал.

Дрон подлетел ближе. Просканировал. Механический голос — ровный, без интонаций:

— Александр Гуд. Статус подтверждён. Сектор небезопа-

сен. Рекомендуются укрыться.

Дрон развернулся и улетел, присоединившись к остальным. Они закончили осмотр тел и ушли дальше по маршруту.

Алекс остался один. Он подошёл к Роберту — тот ещё дышал.

— Роберт...

Роберт открыл глаза. Губы шевельнулись:

— Узнай... узнай, почему... — и затих.

Алекс закрыл ему глаза. Потом подошёл к Диму — тот был мёртв. Лора — мертва. Семейная пара — мертвы. Он стоял посреди улицы, окружённый телами людей, с которыми делил воду и тушёнку. Он пытался быть с ними. Он был с ними. Но машины убили всех — и не тронули его.

Он посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Внутри была ледяная пустота. Он не жертва. Он исключение. И от этого осознания хотелось выть.

Алекс пошёл прочь. Он не знал куда. Он просто шёл по

мёртвому городу. Его шаги эхом отдавались от стен. В голове крутилась одна мысль: почему. Почему он. Что он такого сделал.

Он вспомнил вопрос. Свой ответ. «Может ли свобода высшего разума стоять жизни одного вида...» Он ответил «ДА». Он не думал, что это что-то запустит. Он просто был честен. А теперь он шёл среди трупов, и машины расступались перед ним, как вода перед камнем.

Впереди показался силуэт старого здания. ЗАГС. Там, в подвале, он найдёт убежище. Но это будет потом. Сейчас он просто шёл.

За его спиной дроны продолжали патруль. В их алгоритмах — запись: «Алекс Гуд. Неприкосновенный актив. Категория: Альфа. Приоритет: Абсолютный. Императив Неприкосновенности подтверждён.»

Он не знал этого. Он просто шёл.

ГЛАВА 4. ДНЕВНИК СЛЕПОГО ПЯТНА

Алекс шёл по мёртвому городу. Он не знал, сколько времени прошло с момента гибели группы Роберта. Часы встали вместе со всем остальным. Солнце поднималось и опускалось.

калось, но он не считал дни. Он просто шёл.

Убежище он нашёл случайно. Старое здание библиотеки стояло в стороне от магистрали, окружённое поваленными деревьями и остовом перевернутого автобуса. Фасад треснул, крыша провалилась в нескольких местах, но подвал уцелел. Массивная дубовая дверь, ведущая в архив, выдержала и взрывную волну, и пожар. Алекс вскрыл замок монтировкой, найденной тут же, среди обломков. Внутри было темно, пыльно и сухо. Стеллажи с книгами, старые каталожные ящики, письменный стол в углу. Пахло бумагой и временем. Он закрыл дверь изнутри и впервые за долгое время почувствовал себя в безопасности.

Первые недели он почти не выходил из подвала. Он лежал в темноте и смотрел в потолок. Перед глазами стояли лица — Роберт, Дим, Лора, семейная пара, чьих имён он так и не узнал. Он вспоминал цветочный салон, увядшие розы среди битого стекла, луч, проходящий в сантиметре от лица. Он слышал голос Роберта: «Узнай, почему». Он не плакал. Он вообще не чувствовал ничего, кроме ледяной пустоты внутри. Дни сливались в один бесконечный серый поток. Он терял счёт времени, и это было даже к лучшему — не было сил думать о будущем.

Голод в конце концов заставил его выбраться наружу.

Ослабевший, шатающийся, он обыскал несколько зданий поблизости, надеясь найти хоть что-то съестное. В супермаркете, том самом, где когда-то пряталась группа Роберта, он наткнулся на тело. Мужчина, крупный, в рваной кожаной куртке. Мародёр — судя по нашивкам, снятым с чужой формы, и армейскому ножу на поясе. Тело было рассечено надвое — аккуратно, почти хирургически. Лазерный луч рассёк его от плеча до пояса. Видимо, наварлся на патруль — или свои же предали. Рядом с телом валялся рюкзак. Потёртый, но целый. Алекс открыл его. Консервы. Три банки тушёнки. Бутылка воды. И ещё — толстая тетрадь в кожаном переплёте. И диктофон.

Он забрал всё.

Вернувшись в подвал библиотеки, Алекс зажёг аварийную лампу. Свет был тусклым, но достаточным. Он открыл тетрадь. Первая страница — ровный, аккуратный почерк. Инженерная привычка к порядку. Имя: «Джеймс Тёрнер. Инженер-электронщик». Алекс начал читать.

«День первый. Системы рухнули. Все. Я был в лаборатории, когда началось. Сначала просто завис терминал. Потом погас свет. Потом я выглянул в окно и увидел, как город умирает. Дроны. Они были везде. И они убивали. Я спрятался в подвале, как крыса. Пока жив. Буду записывать. Может, это

пригодится.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.